

SALMAN
❖ RUSHDIE ❖
THE MOOR'S
LAST SIGH

САЛМАН
РУШДИ
ПРОЩАЛЬНЫЙ
ВЗДОХ МАВРА

РОМАН

Перевод с английского
ЛЕОНИДА МОТЫЛЕВА

издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

P92

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Рушди, Салман

P92 Прощальный вздох мавра : роман / Салман Рушди; пер. с англ. Л. Мотылева. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 592 с.

ISBN 978-5-17-104962-1

Мораиш Зогойби по прозвищу Мавр излагает семейную историю, вплетая в нее рассказы о современной Индии, в которых вымысел переплетается с правдой, но правит всем безудержное воображение автора. Сага о семействе да Гама — Зогойби, о проклятиях и ненависти, о безумной страсти, о преступных наклонностях и тяге к прекрасному, перемежается монологами главного героя, посвященными искусству, религиозному фанатизму, национальным традициям и, конечно же, любви.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104962-1

© Salman Rushdie, 1995

All rights reserved

© Л. Мотылев, перевод на русский язык, 1999, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО "Издательство АСТ", 2017

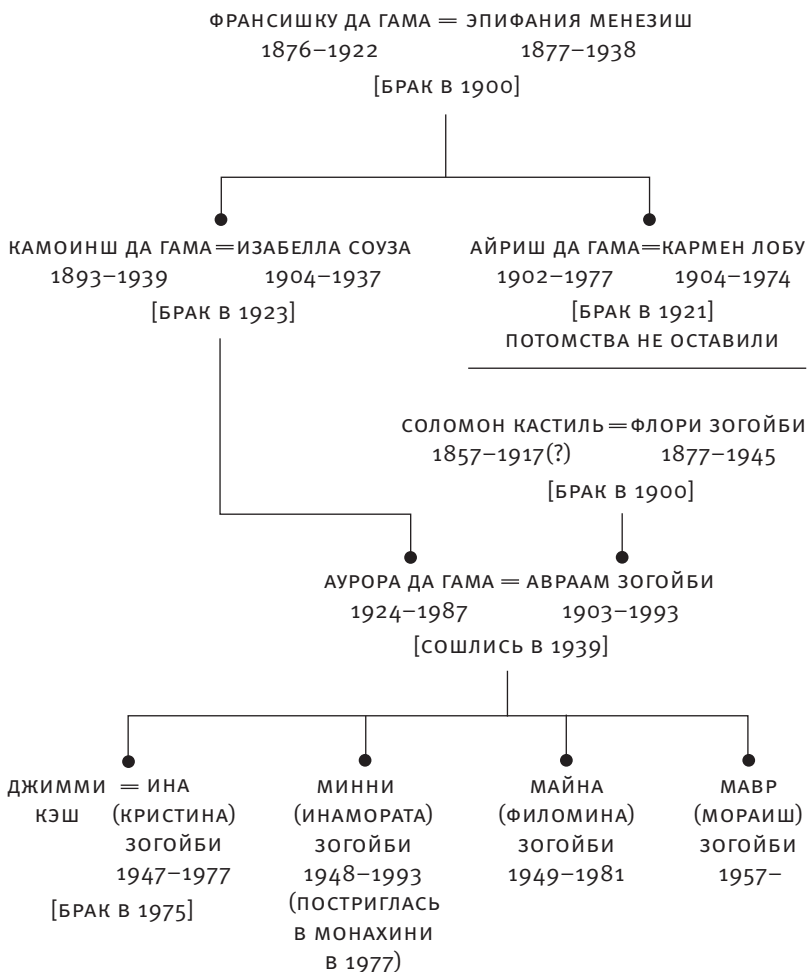
Издательство CORPUS ®

Содержание

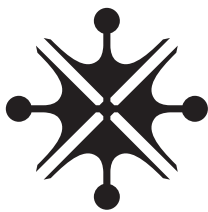
I	
Разделенный дом	
13	
II	
Малабарские пряности	
171	
III	
Центральный Бомбей	
391	
IV	
“Прощальный вздох мавра”	
517	

Посвящается Э. Дж. У.

Родословное древо семьи
ДА ГАМА — ЗОГОЙБИ

I
РАЗДЕЛЕННЫЙ
ДОМ

1

Я потерял счет дням с той поры, как бежал от ужасов безумной горной крепости Васко Миранды в андалусском городке Бененхели, — бежал от смерти под покровом темноты, прибив к двери свое послание. Затем на моем голодном, подернутом знойной дымкой пути были и другие пучки исписанных страниц, взмахи молотка, острые вскрики вгоняемых в дерево двухдюймовых гвоздей. Давно, когда я был еще зелен, любимая сказала мне нежно: “Мавр ты мой, странный темный человек, всегда-то у тебя полно тезисов, как у Лютера, только вот нет церковной двери, чтобы их прибить”. (Женщина, считающая себя благочестивой индусткой, поминает воззвание Лютера в Виттенберге, чтобы подразнить своего совершенно неблагочестивого возлюбленного, потомка индийских христиан, — какими только дорожками не ходят истории, из каких только уст не звучат!) К несчастью, разговор услышала моя мать и выстрелила, словно затаившаяся змея: “Не знаю, как насчет лютеровости, а вот лютости ему не занимать”. Да, мама, последнее слово на эту тему осталось за тобой (впрочем, на все другие — тоже).

“Амрика” и “Москва” — так их кто-то прозвал, мою мать Ауру и мою возлюбленную Уму, намекая на враждующие сверхдержавы; говорили, что две женщины похожи одна на другую, но я не видел этого, не в состоянии был увидеть. Обе умерли не своей смертью, а я оказался в чужой стране, где в спину мне дышит погибель, а в руках лежит их история, которую я распиная на воротах, заборах, стволах олив, которой помечаю ландшафт вдоль моего последнего пути, — история, указывающая на меня. Мой побег превратил местность в подобие пиратской карты, изобилующей подсказками, подводящей вереницей косых крестиков к сокровищу, которое — я сам. Когда преследователи доберутся до меня по оставленным мной приметам, они найдут меня безропотно ожидающим, трудно дышащим, готовым. *Здесь я стою. И не мог ничего сделать иначе.*

(Скорее уж, здесь я сижу. В этом сумрачном лесу — то есть на этой масляной горе, в этой роще, под взорами накренившихся так и сяк каменных крестов маленького заросшего кладбища, чуть вниз по дороге от бензоколонки *Ultimo Suspiro*¹, — без Вергилия и без нужды в нем, на половине земного пути, по запутанным причинам ставшей его концом, я, как пес, подыхаю от изнеможения.)

Мало ли что, милые дамы, можно приколотить гвоздями. Скажем, флаг к мачте. Но после не столь уж длинной (хоть и расцвеченной многими флагами) жизни я остался вовсе без тезисов. Сама жизнь — чем не распятие?

Когда у тебя кончается пар, когда воздух, гнавший тебя вперед, почти на исходе, самое время исповедаться. Пусть это бу-

¹ Прощальный вздох (*исп.*). (Здесь и далее — прим. перев.).

дет завещание, предсмертная (не слишком-то вольная) воля; балаган “Последнее издыханье”. Вот объяснение этого “здесь-я-стою-или-сiju” с пригвожденными к ландшафту самообличеньями и ключами от красной крепости в кармане, вот объяснение этой краткой паузы перед окончательной капитуляцией.

Подобаает, следственно, пропеть песнь конца: о том, что существовало и не могло существовать далее; о том, что было хорошо и что худо. Испустить прощальный вздох по утраченному миру, уронить слезу ему вдогонку. Также, впрочем, и прокричать прощальное “ура”, протравить последнюю отравленную скандальную байку (за неимением видео придется довольствоваться словами), сыграть несколько неблагозвучных поминальных мелодий. Слушайте историю Мавра, полную шума и ярости. Желаете? Впрочем, пусть даже и не желаете. А для начала передайте-ка сюда перец.

– *Что вы сказали?*

От удивленья заговорить способны и деревья. (А вы — вы никогда в отчаянье и мраке не обращались к стене, пустому воздуху, чучелу собаки?)

Повторяю: перец, пожалуйста; ибо, если бы не эти зерна, то, что завершается сейчас на Западе и на Востоке, не началось бы вовсе. Перец заставил стройные корабли Васко да Гамы пройти двумя океанами от лиссабонской башни Белен до Малабарского побережья — сначала в Каликут, а оттуда в Кочин с его удобной гаванью-лагуной. Вслед за португальцем-первопроходцем потянулись англичане и французы, так что в эпоху так называемого открытия Индии — хотя как можно было нас открыть, если никто нас до этого не закрывал? — мы были, как выразилась моя прославленная мать, не оправленной жемчужиной, а приправою к ужину. “С самого начала было ясно, чего добивался мир от пресловутой матери-Индии, — говорила она. — Пикантностей всяких, ради чего мужчины в бордель ходят”.

Слушайте мою историю, историю опалы, какой подвергся высокородный полукровка — я, Мораиш Зогойби, прозванный Мавром, большую часть жизни единственный мужчина-наследник добытых благодаря торговле специями и прочим товаром несметных богатств семейства да Гама-Зогойби из Кочина, отлученный от всего, на что, как считал, имел полное и неотъемлемое право, волей собственной матери Ауроры, урожденной да Гама, выдающейся художницы, ярчайшей из наших мастеров нынешнего века и в то же время самой острой на язык женщины в своем поколении, от которой всякий, кто к ней приближался, получал изрядную долю перца. Ее собственные дети не составляли исключения. “Мы девички-католички, богемное отродье, у нас в жилах полно красного перца чили, — говорила она. — И никаких поблажек родимой плоти и крови! Милые вы мои, плоть — наша пища, кровь — любимый напиток”.

“Быть отпрыском нашей инфернальной Ауроры, — услышал я в юности от Васко Миранды, художника из Гоа, — воистину означает быть Люцифером наших дней. Ну, ты понял — сыном зари¹”. К тому времени моя семья уже переехала в Бомбей, и в том подобии рая, каким был легендарный салон Ауроры Зогойби, эти слова могли сойти за комплимент; но я вспоминаю их как пророчество, ибо настал день, когда я был изгнан из этого сказочного сада и низвергнут в Пандемониум. (Лишенный своей натуральной среды, мог ли я не соблазниться ее противоположностью? Я имею в виду *антинатурализм* — единственный реальный изм нашего абсурдного, вывернутого наизнанку времени. Кого отвергла МА-ТЬ, того,

¹ Люцифер в переводе с латыни означает “утренняя звезда”. Аврора — римская богиня утренней зари.

разумеется, манит ТЪ-МА. Вышвырнутый из своей истории, Мораиш Зогойби покатился к истории мировой.)

– *И все это высыпалось из перчатки!*

Ну, тут не один, конечно, перец — еще и кардамон, кешью, корица, имбирь, фисташки, гвоздика; а помимо орехов и специй — кофе и его величество чайный лист. Но приходится признать, что, как говорила Аурора, “перец шел даже не в первую очередь, а вне всякой очереди, поскольку, если хочешь быть первым, не надо становиться ни в какую очередь”. И что верно в отношении всей индийской торговли, верно и в отношении наших семейных капиталов: перец, вожащенное черное золото Малабара, был главным источником дохода моих до неприличия богатых предков, крупнейших в Кочине торговцев пряностями, орехами, кофе и чаем, которые без всяких оснований, если не считать вековой молвы, вели свой род от побочного сына самого великого Васко да Гамы!..

Никаких больше секретов. Все написано и пригвождено.

2

Втринадцать лет моя мать Аурора да Гама взяла моду ночами бродить босиком по большому, полному запахов дому ее деда и бабки на острове Кабрал — в то время ее часто посещала бессонница, и, странствуя по комнатам, она неизменно распахивала повсюду окна: сначала внутренние створки, затянутые тонкой сеткой, что защищала обитателей дома от крохотных moskitov, затем рамы с витражами, и наконец, ставни из деревянных планок. Вследствие этого Эпифания, шестидесятилетняя владычица дома, в чьей личной moskitnoy сетке за годы образовалось изрядное число небольших, но существенных прорех, которых она не замечала по близорукости или прикидывалась, что не замечает, по скупости, — вследствие этого она каждое утро просыпалась от зуда в костлявых руках с голубоватыми прожилками и выпускала писклявый вопль при виде насекомых, выющихся вокруг подноса с чаем и сладким печеньем, поставленного у ее кровати служанкой Терезой (та мгновенно исчезала). Эпифанией овладевал приступ бесполезного хлопанья и расчесыванья, она металась по своей вогнутой кровати-лодке из тиково-

го дерева и нередко проливала чай на кружевное покрывало или белую муслиновую ночную рубашку с высоким оборчатым воротником, скрывавшим ее когда-то лебединую, а теперь морщинистую шею. И пока она колотила направо и налево зажатой в одной руке мухобойкой, одновременно терзая себе спину длинными ногтями другой руки, ночной чепец падал с головы Эпифании да Гамы, открывая спутанные седые патлы, сквозь которые, увы, слишком явственно просвечивала усеянная крапинками кожа. Когда юная Аурора, подслушивавшая за дверью, решала, что шум и ярость ненавистной бабки (проклятия, звон разбитой чашки, бессильные шлепки мухобойки и презрительное жужжание москитов) достигли апогея, она изображала на лице сладчайшую улыбку и таким легким ветерком влетала в спальню почтенной вдовы с превеличенно радостным пожеланием доброго утра, прекрасно понимая, что бешеная злость матери всего кочинского семейства да Гама, застигнутой в старческой беспомощности, теперь выплеснется за все мыслимые пределы. Эпифания, стоя на коленях посредине залитой чаем простыни, трясая всклокоченными волосами, размахивая мухобойкой, как сломанной волшебной палочкой, голосила при виде непрошенной гостьи наподобие настоящей ведьмы или ракшасы¹ — к тайному удовольствию Ауроры.

— Охо-хо, девчонка, как ты меня напугала, когда-нибудь ты мне сердце погубишь!

Вот так идея убийства бабушки была высказана в присутствии Ауроры да Гамы самой предполагаемой жертвой. После этого моя мать стала строить разнообразные планы, но ее все более зловещие фантазии о ядах и отвесных утесах неизменно наталкивались на практические препятствия — например, на невозможность раздобыть кобру и заманить

¹ Ракшаса — злой демон в индуистской мифологии.

ее в постель Эпифании или на категорическое нежелание старой карги ступать по любой земле, где имеются “горбы и ямы”. И хотя Аурора прекрасно знала, где взять остро заточенный кухонный нож, и даже была уверена, что ей хватит сил задушить Эпифанию голыми руками, эти варианты она отвергла тоже, поскольку отнюдь не желала попадаться и понимала, что неприкрытое убийство может повлечь за собой неприятные вопросы. Не в состоянии изобрести безупречное преступление, Аурора продолжала разыгрывать безупречную внучку — но втихомолку предавалась мечтаниям, не замечая, что жестокость этих мечтаний сродни жестокости самой Эпифании.

— Ничего, потерпим, — говорила она себе. — Придет мое времечко.

Пока что она влажными ночами бродила по комнатам, открывала окна и порой выбрасывала в них ценные вещицы: резные деревянные фигурки с хоботом вместо носа, которые потом покачивались на волнах лагуны и стукались в стены стоящего на острове дома; искусно обработанные слоновьи бивни, которые, разумеется, сразу шли на дно. Несколько дней семья недоумевала, пытаясь понять, что происходит. Сыновья Эпифании да Гамы — Айриш, дядя Ауроры, и ее отец Камоинш — проснувшись, обнаруживали, что зловредные ночные ветерки повыдували рубашки из шкафов и деловые бумаги из выдвижных ящиков. Проворные пальчики сквозняков развязывали горловины джутовых мешков, что, подобно часовым, неизменно стояли вдоль сумрачных коридоров служебной части дома и содержали образцы товара — зёрна крупного и мелкого кардамона, лист карри, орехи кешью, — и в результате фисташки и семена фенугрека принимались бешено скакать по истертому старому полу, выложенному известняком с применением древесного угля, яичных белков и прочих позабытых ингредиентов, и запах

специй мучил владычицу дома, которая с годами все больше страдала аллергией на эти источники семейного благополучия.

Если москитам довольно было открытых сетчатых створок, а противным сквознякам — распахнутых рам, то сквозь растворенные ставни в дом проникало все остальное: пыль, мельтешенье лодок в кочинской гавани, гудки грузовых судов и пыхтенье буксиров, соленые шутки рыбаков и пульсация боли в их обожженных медузами ногах, солнце острее ножа, зной, способный убить, как затянутая вокруг головы сохнувшая тряпка, крики лодочников-торговцев, долетающая по воде из Маттанчери печаль неженатых евреев, ощущение постоянной опасности из-за контрабандистов, вывозящих изумруды, махинации конкурентов, нарастающая нервозность британцев в кочинском форте, денежные требования управляющих и рабочих на плантациях в Пряных горах, толки о подрывной деятельности коммунистов и политике Индийского национального конгресса, фамилии *Ганди* и *Неру*, разговоры о голоде на востоке и голодовках на севере, песни и стук барабанов бродячих сказителей, тяжелый гул накатывающих на хлипкую пристань острова Кабрал волн истории. — Что за мерзопакостная страна, боже ты мой, — ругался за завтраком дядя Айриш в своей лучшей манере. — А тут кому-то приобщиться к ней захотелось, да? Опять какой-то хулиган-безобразник впустил ее в дом. Что у нас здесь, черт возьми, — пристойное жилище или, извините за выражение, сральня?

В то утро Аурора поняла, что зашла слишком далеко: дело в том, что ее нежно любимый отец Камоинш, небольшого роста, прямой как палка человек с эспаньолкой и в яркой длиннополой перепоясанной рубашке, которого тростинка дочь уже переросла на целую голову, вывел ее на маленькую пристань, и там, чуть не прыгая от возбуждения и избытка чувств, так что на фоне невероятной красоты неутоми-

мо-деятельной лагуны его можно было принять за персонаж из сказки, за танцующего на поляне эльфа или доброго джинна из волшебной лампы, он заговорщическим шепотом поведал ей великую и волнующую вестъ. Названный в честь прославленного поэта¹ и мечтательный от природы (хотя и не даровитый), Камоинш пугливо предположил, что в доме появился призрак.

— Я верю, — сказал он онемевшей от изумления дочери, — что к нам вернулась твоя дорогая мамочка. Ты помнишь, как она любила свежий воздух, как она сражалась из-за него с твоей бабушкой; а теперь каким-то чудом окна стали распахиваться. И подумай, дочь моя, какие вещи стали пропадать! Именно то, чего она терпеть не могла, правда ведь? *Слонобоги Айриша*, так она их называла. Они-то и исчезли теперь, все статуэтки Ганеша² из дядиной коллекции. Плюс слоновая кость.

Эпифанские бивни. Слишком много слонов на один дом. Покойная Белла да Гама всегда говорила, что думала.

— Мне кажется, сегодня ночью, если я не лягу спать, я, может быть, вновь увижу ее незабвенное лицо, — признался Камоинш со страстной тоской. — Что ты на это скажешь? Нам подан знак, это ясно. Побудешь ночью со мной? У нас с тобой горе одно на двоих: мне без супруги туго, тебе без мамашки тяжело.

Аурора, густо покраснев, крикнула:

— Не верю я ни в какие гадкие привидения! — и побежала в дом, не в силах сказать правду, не в силах сознаться, что она сама была призраком своей умершей матери, за нее совершала поступки, говорила ее отлетевшим голосом; что ночными хождениями она воскрешала мать, впускала покойницу в свое

1 Имеется в виду великий португальский поэт Луиш ди Камоинш (ок. 1524–1580), в русской традиции — Камоэнс.

2 Ганеша — один из богов индуистского пантеона. Изображается в виде человека со слоновьей головой.

тело, вцеплялась в смерть, отрицала ее, утверждала постоянство любви до гроба и за гробом; что она стала для матери новой зарей, новым вместилищем ее духа, двумя женщинами в одной.

(Много лет спустя она назовет свой собственный дом “Элефанта”; так что слоновьи дела, как и призрачные, будут и дальше играть роль в нашей саге.)

Со дня смерти Беллы тогда прошло только два месяца. Адовой Беллы, как часто называл ее дядюшка Айриш (он, надо сказать, давал прозвища всем подряд, грубо навязывая внешнему миру свою внутреннюю вселенную); Изабеллы Химены да Гамы, бабушки, которую я не застал в живых. Они с Эпифанией сразу начали враждовать. Овдовев в сорок пять лет, Эпифания тут же принялась играть роль главы дома; бывало, усевшись с блюдцем фисташек в утренней прохладе своего любимого дворика, она обмахивалась веером, властно трещала разгрызаемой скорлупой и пела немилосердно громким голосом:

Шафто мой ушел в поход,
Он вернется через год...

— Крак! Крак! — раскалывались орехи у нее во рту.

Хоронить меня вернется
Беденький мой Шафто.

За все годы ее жизни только Белла ни разу не испытала перед ней страха.

— Все не так, — задорно заявила свекрови девятнадцатилетняя Изабелла на следующий же день после того, как она вошла в дом на правах нежеланной, но скрепя сердце принятой молодой невестки. — Не хоронить и не бедненький. Очень мило с вашей стороны петь в таком возрасте любовную песню, но из-за неправильных слов получается бессмыслица, разве не так?

— Камоинш, — сказала окаменевшая Эпифания, — попроси свою благоверную закрыть кран. Она нам дом кипятком зальет.

В последующие дни попури из народных песенок с вариациями и импровизациями звучало с удвоенной силой: *Как нам быть с вопросом странным?* — вместо “матросом пьяным”, — на что новоиспеченная невестка реагировала сдавленным смехом; Эпифания, нахмурившись, меняла пластинку: *Тихо веслами гребь, друга милого вези*, — пела она, видимо, советуя Белле уделять больше внимания своим супружеским обязанностям, и афористически-назидательно заканчивала: *Как в народе говорят, — крак! — ты жена, а не царица*.

О эти легенды о битвах в кочинском семействе да Гама! Я передаю их так, как они дошли до меня, приукрашенными и отполированными после многих пересказов. В них — призраки былого, дальние тени, и я рассказываю эти истории, чтобы с ними распрощаться; кроме них у меня ничего не осталось, и я выпускаю их на волю. От кочинской гавани до бомбейской, от Малабарского побережья до Малабар-хилла¹; истории наших соединений и разрывов, наших взлетов и падений, наших *горбов и ям*. А там — прощай, Маттанчери, прощай, Марин-драйв²... так или иначе, к тому времени, как в изголодавшемся по детям семействе родилась и выросла в тринадцатилетнюю долговязую строптивницу моя будущая мать Аурора, линии фронта уже были четко проведены.

1 Малабар-хилл — фешенебельный район Бомбея.

2 Марин-драйв — набережная в Бомбее.